

МАРАТ ЧЕРНОВ

КРИОШОК

18+

Марат Чернов

Кришок

«Автор»

2020

Чернов М. А.

Криошок / М. А. Чернов — «Автор», 2020

Действие происходит в наши дни. Несколько человек отобраны неким научно-исследовательским институтом для уникального эксперимента, который проводится под открытым небом в суровой Арктике.

© Чернов М. А., 2020

© Автор, 2020

Марат Чернов

Кришок

Не умирай, пока живешь.

Старинная галльская поговорка

Глава 1

Величественная снежная равнина казалась совершенно безжизненной. Внушительный белый медведь, рыскавший полдня в поисках тюленя, поднял морду к небу, когда в нём появилась точка, отдалённо напоминающая большую птицу, несущуюся с неправдоподобной скоростью. Зверь проводил её голодными глазами, в которых застыло безучастие и скука, затем повернул нос в сторону, расслышав и учуяв какой-то всплеск. Осознав, что долгожданная добыча близка, он ретиво рванул по направлению к источнику звука.

Между тем АН-26, выкрашенный в тон ослепительно белым снегам Северного полюса, шёл на посадку. Главный пилот Сергей Видов наметил цель, взлётно-посадочную полосу, проделанную во льду и хорошо заметную сверху в ясную погоду благодаря множеству чёрных флажков, установленных по её периметру. Работники из компании «Полярный праздник» постарались на славу, сделав посадочную полосу практически идеальной. Сергей уже знал об этом, поскольку за апрель это была уже вторая посадка самолета с туристами. Первая – со сворой спесивых жирдяев-бизнесменов, самому молодому из которых было лет за сорок пять. Почти все вели себя с командой надменно и грубо, поэтому у всех членов экипажа до самого конца круиза навязчиво маячила в голове одна лишь мысль – оставить охамевших толстосумов отмечать праздники на полюсе до наступления полярной ночи.

Новая партия состояла из людей не то чтобы обычных, но из несколько иного сословия. Это была разношёрстная стайка довольно молодых людей, мужчин и женщин в основном спортивного телосложения. Насколько знал Видов, полярный круиз был оплачен кем-то из числа спонсоров, которые обычно желают остаться неизвестными.

Теперь, медленно снижаясь над ослепительно белым полотном, залитым, будто россыпью мелких бриллиантов, солнечным светом, Видов подумал о том, что полёты на Северный полюс отрезвляют как никогда, сталкивая с первозданностью и удивительной, немного пугающей красотой окружающей среды. Спустя десять минут самолёт с первой попытки мягко зашёл на посадку, чинно остановившись на идеально ровной, словно отполированной гигантским шлифовальным камнем, полосе из сияющего «голубого льда».

Видов взял микрофон и спокойно, без запинки продекламировал стандартный текст:

– Дамы и господа, экипаж воздушного судна «АН-26» в составе второго пилота «Хаски», радиста «Мороза», штурмана «Весёлого» и командира экипажа «Серого» – рад приветствовать вас на 89 градусе северной широты на расстоянии приблизительно ста километров от северного полюса.

– Капитан – шутник, – улыбнулась Светлана, оторвав взгляд от иллюминатора, за которым раскинулась блистающая снежная равнина, местами оживлённая причудливым нагромождением угловатых торосов разных размеров и форм.

Вячек Шумилов, сидевший рядом с ней, протёр заспанные глаза, ошалело огляделся вокруг, будто пробуждённая средь бела дня сова, и спросил:

– Мы что, уже приехали? Полюс?

В салоне появился второй пилот Эдуард Макаренченко, молодой человек с приятным широким скуластым лицом, накинув утеплённую кожаную «пилотную» куртку с каракулевым воротником. Для него самого это был третий рейс на полюс, и чувствовал он себя почти как турист, хотя быстро напустил на себя серьёзный вид бывалого летчика. Эдуард внимательно осмотрел десятерых пассажиров.

Без особого удивления для себя он обнаружил, что почти все участники полярного тура молоды, подтянуты и, видимо, здоровы, кроме разве что одного, несколько обрюзгшего и очень бледного господина лет пятидесяти, который, видимо, был из «моржей». В то время как все остальные поспешно начинали облачаться в утеплённые ярко-красные пуховые куртки, предоставленные корпорацией «Полярный праздник», тот как будто делать этого даже не собирался. Он просто молча сидел в тонкой чёрной шёлковой рубашке и задумчиво, с едва заметной улыбкой на губах, смотрел в иллюминатор.

Всего десять, заметил про себя Макаренко. Десять негритят... отправились на север. Один из них замёрз...

Он усмехнулся этой своей довольно невесёлой шутке.

Яркий солнечный свет бил сквозь стёкла иллюминаторов, пронизывая янтарными лучами пассажирский салон. Внутри самолёта было тепло (ледяной воздух ещё не успел ворваться внутрь, хотя скоро подгонят трап и откроют люк, и тогда станет ясно, где они находятся), а солнечные лучи казались мирными, согревающими и вселяющими надежду, поэтому Эдуарду неожиданно показалось, что он проснулся или протрезвел, отогнав от себя мрачное предчувствие, довлевшее над ним ещё задолго до того, как колёса авиалайнера оторвались от взлётно-посадочной полосы в Москве.

Надо сказать, этот рейс по какой-то необъяснимой причине держал его в напряжении с самого начала. То ли в силу экзотичности самого путешествия, его отдалённости от цивилизации вкупе с малоопытностью как лётчика, ему было не по себе. Возможно, он просто был во власти какой-то временной паранойи, и теперь по достижении долгожданной цели, а именно 89 параллели, ему всё стало видеться в более радужных тонах. Вероятно, он просто перенервничал перед не самым обыденным полётом, а его уверенность в том, что должно произойти что-то ужасное, причём именно в этот рейс, была блажью, своего рода фобией. Ведь люди многого боятся, и далеко не всегда обоснованно. Люди порой боятся даже лешего в лесу, собравшись по грибы, а это уж совсем несерьёзно!

Эдуард знал, что на севере обостряются чувства и проявляются самые невразумительные страхи. Люди начинают бояться снега, льда, открытых пространств и даже северного сияния в полярную ночь.

Но сейчас стоит середина апреля, сказал себе Макаренко, полярный день. Солнце ещё не в зените, но усиленно движется к нему, вставая всё выше с каждым днем. И в это время года тут вообще не бывает тьмы. Это же красота!

Собрался, Эдик, сказал он себе. Больше оптимизма!

Макаренко оглядел остальных девятерых туристов. Четверо молодых женщин лет по двадцать пять и пятеро мужчин того же возраста или немного старше. Все подтянуты, женщины стройны и красивы, каждая по-своему, мужчины – здоровяки как на подбор. Определённо, все они – спортсмены.

Светло-голубые, добрые, как у северной ездовой собаки, глаза второго пилота встретились с зелёными глазами симпатичной, коротко стриженной блондинки. Она улыбнулась ему ослепительной голливудской улыбкой.

– Что так смотрите на нас, капитан?

– Я второй пилот, – улыбнувшись в ответ, сказал Эдуард.

– А-а-а, Хаски? – уточнила девушка и засмеялась.

Её заразительный добрый смех подхватили другие женщины.

Светлана Чирковская была первой, кто получил приглашение. Надо сказать, у неё не возникло сомнений ни тогда, ни тем более теперь, после того, как она познакомилась в самолёте со всеми этими людьми, бывшими или действующими спортсменами, имена многих из которых она хорошо знала или когда-то слышала.

Где уж тут было усомниться в честности намерений Северного исследовательского центра, некоего закрытого филиала Академии наук, занимающегося исследованием физиологического и психологического состояний организма в особо экстремальных условиях обитания? Ведь согласно именно этому принципу здесь и собрали девять человек, посулив им бесплатный уикенд на Вершине мира и дополнительно некоторую сумму денег, которых, как известно, никогда не бывает слишком много, особенно для молодых спортсменов. Однако, если честно, принять это приглашение без раздумий её заставила давняя мечта молодости – увидеть полюс, это загадочное место, где пересекаются меридианы. Не потому ли она почти бессознательно с детских лет встала на лыжи и посвятила себя спортивной карьере в биатлоне?

Конечно, Света не добилась грандиозных успехов, не завоевала золотых медалей на Олимпийских играх, но разве теперь, причём почти без усилий, она не получила ту награду, к которой, возможно, шла всю жизнь?

– Кстати, а почему Хаски? – спросила Светлана.

Макарченко простодушно пожал плечами и улыбнулся:

– Наверное, потому что я добрый. А вообще-то меня зовут Эдуард.

– О-о-о, какое красивое имя, – пропела одна из девушек и представилась:

– А меня – Люба.

– А меня зовут Лена, – сказала другая.

– Катя, – со смешком бросила третья.

– Света, – едва сдержала смех Чирковская.

– Вячеслав, – невнятно пробубнил Шумилов, и все в салоне расхохотались.

– Очень приятно, – поддержал всеобщее веселье Макарченко.

С этого момента разговор стал более развязным и дружеским. Остальных четверых парней звали: Николай, Павел, Дмитрий и Егор. Все имена как на подбор, причём не самые редкие. У одного только пожилого «моржа» имя оказалось не совсем заурядное, хотя довольно громкое – Герман.

Представившись, он неожиданно поразил всех необычной просьбой, обращённой ко второму пилоту, попросив у него немного льда. Это прозвучало как шутка, но Эдуард за словом в карман не полез, сострив в ответ:

– Уважаемый пассажир, наша авиакомпания рада предложить вам тонны льда, как только вы спуститесь на поверхность ледового аэродрома.

– Да-да, конечно, – недовольно проворчал человек в чёрной рубашке, медленно, как бы нехотя, накидывая на плечи куртку. – Хотя я просил у вас обычного кускового льда из морозильника. Обслуживание, прямо скажем, не ахти!..

– Второй пилот Хаски, – с деланной строгостью окликнула Эдуарда Светлана. – В чём дело? Почему такой убогий сервис на борту?

– Что поделать, – развёл руками Макарченко. – Господа пассажиры, не обессудьте! Бортовой морозильник пуст. Вообще один из главных недостатков нашего самолета состоит в том, что это – модифицированная модель военного грузового АН-26, переделанного под пассажирский лайнер. Поэтому даже интерьер салона чрезмерно скуп по сравнению с самыми посредственными аналогами. Однако он славится своей надежностью и выносливостью в условиях Крайнего Севера и полярных льдов. Как доказательство – мы без особых проблем приземлились на расстоянии чуть более ста километров от географического полюса Земли. До так называемой Вершины мира нас отделяет всего один градус северной широты.

– Прекрасно! – прошептала одна из девушек.

– Как романтично, – поддакнула другая.

– И нам повезло здесь встретиться с такими героическими лётчиками, как вы, – улыбнулась Света.

Мужчины собрались в группу, обмениваясь какими-то соображениями, Катя собралась вокруг себя стайку девиц, что-то задорно им зашебетав, а Светлана и Эдуард несколько секунд смотрели друг на друга, словно на какой-то миг вокруг них замерла жизнь и остановилось время.

Он несмело подошёл к ней и негромко произнёс:

– Слишком сильно сказано для меня, Света. Это всего лишь мой третий рейс на Полюс.

– Ну, значит, скоро он сделает из вас настоящего героя, – ответила девушка. – Говорят, это место не для слабохарактерных.

Спустя пять минут вся группа новоприбывших собралась на расчищенной ото льда и снега площадке, раскинувшейся вокруг взлётно-посадочной полосы, которую занял самолёт с передвижным трапом. Чуть поодаль стоял вертолёт Ми-8 из тех, что часто используют в условиях полюса и небольшой мини-бульдозер, доставленный сюда, разумеется, тоже по воздуху. При помощи этой машины, а также обычных подручных средств вроде ломов, бригада Царицына из шести человек, обладавших атлетическим телосложением, как и он сам, в течение нескольких дней готовила ледовый аэродром. Это была серьёзная тяжелая работа, но Степан брался за нее, поскольку она неплохо оплачивалась. В этот раз она оплатилась более чем щедро, поскольку ему предложили выполнить один очень выгодный спецзаказ, связанный с прибытием спортсменов.

Царицын, бородатый коренастый крепыш, был обладателем прямого насмешливого и дерзкого взгляда ярко-синих глаз, цвет которых наводил на мысль о том самом «голубом льду» полутораметровой толщины, который усердно шлифовали для посадки авиалайнера.

Светлане этот субъект не понравился с первого взгляда, хотя она не подала и виду; тот же, напротив, с первой же минуты начал «клеиться» именно к ней. Однако его неумелые и довольно бестактные усилия не увенчались особым успехом, и тогда, будто в отместку, он собрал вокруг себя остальных женщин, напомилавших в своих красных куртках стайку весёлых снегурочек, церемонно поздравив их с прибытием, и начал рассказывать что-то неправдоподобное об особенностях нелёгких будней на Севере.

Эдуард осматривал окрестности с удивлением, смешанным с непонятным испугом, ожившем где-то в глубине его души. Вокруг куда не кинь взгляд простиралась ослепительно белая степь, отнюдь не однообразная, зачастую оживлённая торосами и разломами или впадинами во льдах. В ясном светло-синем небе сияло безжизненное, ничуть не одаривающее теплом солнце. Пронизывающий холод после уютного салона самолета неожиданно сковал его по рукам и ногам, и ему захотелось накинуть поверх своей дублёнки ещё пару-тройку тёплых курток. По его коже пробежала дрожь, пальцы быстро начали коченеть, хоть и были в толстых кожаных перчатках.

Неожиданно Светлана смело взяла Эдуарда под руку и спросила:

– Что, холодно, второй пилот Хаски?

Он с интересом посмотрел на неё, заметив в мерцающих, как изумруды глазах девушки бесстрашие перед пронизывающим холодом и искреннее восхищение окружающей природой.

– Теперь почти нет, – ответил он, натянуто улыбнувшись из-за того, что щёки сковал тридцатиградусный мороз.

– Прошу заметить, что ветра почти нет. Сейчас почти как в январе в Подмосковье, ну, самую малость холоднее, – добавила спортсменка то ли в шутку, то ли всерьёз. – Но я слышала, что погода здесь очень переменчивая и может испортиться в любой момент. А весной начинают вовсю колотиться льды.

– Это называют торосением, – деловито заметил Эдуард.

Внезапно их отвлек громкий голос Царицына, которому, по-видимому, надоело впустую заигрывать с женщинами, и он пробасил так, чтобы было слышно всем, в том числе и мужчинам, осматривавшим в стороне новые комплекты лыж:

– Господа спортсмены, перейдём к делу. Я представляю здесь туристическую компанию «Полярный праздник», которая по традиции обеспечивает хоть и дорогой, но абсолютно безопасный отдых на Северном полюсе. Думаю, не нужно говорить, что своим посещением этой самой верхней точки мира вы обязаны одному научно-исследовательскому центру. И один из его представителей сейчас тут, среди вас!

Все с удивлением посмотрели по сторонам и увидели только нескольких рабочих из бригады Степана, которые внимательно наблюдали за сборищем издалека. Неожиданно в центр толпы вышел пожилой «морж» Герман, так и не застегнувший куртку на своём довольно грузном, явно обладающем завидным иммунитетом от жгучего мороза, теле. Эта манера ставить себя перед другими выглядела здесь каким-то издевательством, и одна из девиц вскрикнула в испуге:

– Ох, вы не простудитесь?!

Он ответил абсолютно бесстрастно:

– Это исключено! – затем помедлил, обведя всех пристальным взглядом, и продолжил:

– Степан отчасти прав. Своему появлению здесь вы обязаны, конечно, не мне, а нашему центру. Меня зовут Герман Фридман. Можно сказать, я главный разработчик и координатор этой линии исследований. На протяжении почти двадцати лет мы регулярно проводим эти тесты, призванные узнать больше о физиологии и скрытых защитных силах организма человека в условиях воздействия экстремальных температур. Полюс в этом смысле нам подходит как нельзя лучше. В этот раз мы выбрали для теста вас. Сами знаете, что вы все пошли на это добровольно и, кроме того, каждый из вас уже получил кругленькую сумму авансом, мысль о которой, должно быть, согреет вас в этой ледяной пустыне.

– Да ладно про деньги, – воскликнул один из мужчин, здоровяк, возвышавшийся на полголовы выше над остальными. – Мы тоже не лыком шиты! Это реальный шанс узнать, на что ты действительно способен... И что такое холод вообще!

– Вот именно, – ответил Герман, – что такое холод? Какую он имеет над нами власть? Сможете ли вы побороть все страхи и фобии, которые он пробуждает?

– Что такое холод? – повторил рослый мужчина. – Ну, я-то сам из Сибири, могу подсказать. Это хитрый зверь. Он умеет ждать, и тут самое главное не потерять бдительность. Нужно быть готовым отразить его атаку в любой момент.

Фридман кивнул:

– Точно, Егор! Мы должны быть во всеоружии. Вот поэтому сейчас вы все подкрепитесь горячими бутербродами с чаем. Мы подготовили для вас лыжи и палки – все комплекты совершенно новые и можете убедиться сами, подобраны для каждого строго в индивидуальном порядке. На каждом комплекте бирка с именем участника теста. Всё проверено и прошу без жалоб!

– Какие могут быть жалобы, – пробормотал Вячек Шумилов, осматривая свою пару лыж. – Всё подогнано по росту, выглядит цивильно. Да мы должны молиться на вас за возможность провести такой классный уикенд!

– Так вот, подкрепившись, мы все дружно становимся на лыжи и под руководством нашего главного штурмана Степы Царицына начинаем самый незабываемый в вашей жизни переход по льду в направлении полюса, – в настоящий момент – это примерно в ста километрах отсюда. Но льды в Арктике постоянно дрейфуют, так что будьте готовы к долгому пути. Возможно, это затянется дней на пять, и вы не вернетесь к понедельнику на работу.

Мужчины только весело рассмеялись на это заявление. Герман обвёл всех строгим взглядом.

– Помните о том, что это, пожалуй, самое суровое место на планете. Не забывайте надевать тёмные очки, это спасёт вас от «снежной» болезни, слепоты или даже безумия. Каждый возьмёт с собой необходимый запас продовольствия и спички, чтобы кипятить воду. А я возьму

с собой вот это, – Фридман сделал короткий жест рукой Царицыну, и тот передал ему какой-то продолговатый предмет, завёрнутый в брезент, длиной в полтора метра.

– Что это? – спросила одна из женщин.

– Ось земли, – с самым серьёзным видом пояснил учёный. – Я воткну её в лёд на полюсе... конечно, если мы его достигнем.

Мужчины заухмылялись, оценив мрачный юмор их предводителя.

– И мы его достигнем! – громогласно заявил сибиряк.

– У меня будет просьба – оставить свои мобильные телефоны в самолёте, тем более что они вам больше ни к чему. Заодно, не забудьте снять обручальные кольца, если они есть, и прочие металлические украшения. Соприкосновение металла с кожей на арктическом морозе нежелательно.

Раздались обиженные возгласы дам и лёгкий ропот мужчин. Улыбчивая брюнетка Катя посетовала на то, что она лишится общества своего любимого смартфона на целых пять дней, а это равносильно безумию от «снежной» болезни, но сибиряк Егор, ласково положив ей свою огромную пятерню на плечо, попытался успокоить девушку тем, что сенсорный гаджет всё равно быстро зависнет или разрядится в условиях жестокого холода, что, впрочем, мало её утешило.

– Теперь я попрошу всех сверить часы, – сказал Фридман. – На моих – без четверти двенадцать.

Именно последняя просьба вызвала наибольшее замешательство у собравшихся, поскольку наручные часы оказались только у одной девушки по имени Лена.

– Вот вы и попались, – сказал Герман. – Я же просил всех снять с себя любой металл.

– Мы выступим ровно через полчаса, – закончил учёный, отобрав у девушки небольшие механические часики. – Никаких задержек, мне дорога каждая минута. Поэтому советую быстрее примерить лыжи и приготовиться к переходу.

Светлана подошла к Эдуарду, грустно улыбнулась и передала ему свой телефон в розовом корпусе и аккуратном светлом чехле.

– Сохраните, пока мы не вернёмся?

– Конечно! – просиял Макаренко. – Я буду ждать вашего возвращения, Света.

– Здесь?

– Насколько я понимаю, нет. Вы уходите на несколько дней, а мы летим в Хатангу. Но я точно знаю, что как только ваш радист свяжется с ледовым аэродромом, а затем и с нами, мы вылетим за вами обратно. Только не потеряйтесь во льдах!

– Я думаю, если мы потеряемся, о нас не забудут.

– В этом уж будьте уверены, – пообещал второй пилот.

– Спасибо, Хаски!

Девушка присоединилась к своей группе, а Макаренко с непонятным тяжёлым чувством вернулся в кабину экипажа. Там в это время оказался один обычно немногословный и угрюмый, сорокапятилетний штурман Веселовский по прозвищу Весёлый, склонившийся в своём углу за креслом командира над какими-то записями.

Облокотившись на его этажерку, Эдуард молча впери в него гипнотический взгляд и не сводил, пока штурман не поднял на него удивлённые глаза.

Тогда Макаренко спросил:

– Весёлый, а ты сам-то что думаешь по поводу этих полярных тестов?

– В каком смысле?

– НИИ полярных исследований. Это что-то новое.

– Новое? – ухмыльнулся штурман. – Ну, может, и новое, да не совсем. По-моему, тут замешана «оборонка». Военные заказывают какому-то полярному НИИ регулярные тесты,

проверку на живых людях в условиях Севера. Я думаю, проводят какой-то отбор, испытывают скрытые силы, ну там... пробуждают тёмные инстинкты, сверхспособности.

– Мне кажется, полюс не самое лучшее место для таких испытаний, – заметил Эдуард. – Тут и без военных тестов опасно – бороться с природой приходится ежеминутно. Да и холод... просто собачий!

– Тут опасно, ты прав, – ответил Весёлый. – Бывает, и люди пропадают. Слышал от одного старожилы, что десять лет назад пропала целая экспедиция со станции. Самое интересное, что когда прилетели спасатели, там нашли лишь пустые дома и палатки, но от самих полярников не осталось и следа. Странно было всё это видеть – нетронутые домики в ясную погоду, работающие радиаторы, а вокруг – ни души, как будто все провалились под лёд.

– И что ты думаешь об этом? – с интересом спросил Эдуард.

– Знаешь, могу точно сказать тебе только одно. Нансен был в чём-то прав. Полюс – это довольно тёмное место на карте мира!

Глава 2

В пятнадцать минут первого группа лыжников из двенадцати человек вышла в открытую снежную пустыню, покинув ледовый аэродром. Группой руководил Царицын, не расстававшийся с прибором GPS. За ним следовали спортсмены, замыкали же шествие Фридман и радист из бригады Царицына. Спортсмены тянули за собой сани с грузом, состоящим из лёгких скрученных палаток и съестных припасов. Воду никто не взял – она была здесь повсюду, хотя Герман строго-настрого приказал не брать в рот холодный снег, а растопить и вскипятить его на первом привале.

Вначале дорога через ледовую пустошь давалась без особых усилий, но когда ледовый аэродром окончательно скрылся из виду, путь стал более сложным, начали встречаться первые тонкие расщелины и небольшие торосы, которые, тем не менее, надо было осторожно перешагивать или обходить. Прошёл ещё час, и многие из участников группы впервые почувствовали реальную физическую усталость. Восхищение окружающим видом уступило место лёгкому разочарованию вследствие холода и эффекта слепящей белизны снега и так называемого «белого льда». С этого момента все наконец-то поняли необходимость тёмных противосолнечных очков. Казалось, ослепляли не только солнце и миллиарды искрящихся кристаллов льда, но и ясное голубое небо.

Почувствовав слабое недовольство своих спутников, Фридман разрешил первую остановку. Они разбили несколько палаток и вскипятили воду из сухого, податливого "белого льда".

– Как настроение? – спросил Герман у спортсменов, собравшихся в кружок вокруг примуса и потягивавших горячий чай из пластмассовых стаканов.

– Отлично! – воскликнул неунывающий Егор.

– Хреново, – проныл Шумилов.

– Уже хреново, хотя вы ещё не прошли и десятую часть пути, – вздохнул Фридман. – Что же с вами будет дальше?

– Не слушайте его, – сказала Светлана. – Всё будет в порядке!

– Сколько до полюса?

– Примерно около ста километров, если вы имеете в виду географический полюс, молодой человек.

– А что, есть ещё какой-то?

– Есть, и не один, а целых три. Магнитный, полюс недоступности, полюс холода.

– Полюс недоступности, – хмыкнул Вячек. – В моём понимании, Света Чирковская воплощает собой именно этот полюс.

Они успели познакомиться ещё в аэропорту в Москве, в самолёте расположились рядом и успели подружиться. Оказалось, что у них обоих одинаковая мечта – увидеть полюс. Света

находила общество Вячеслава приятным и совершенно безобидным. Ухаживать он даже не пытался, поспешно признавшись, как горячо любит свою жену и маленькую дочь, однако не уставал поддеть Свету в разговоре какой-либо колкостью или пошлой шуткой, так что про себя она называла его «добрый тролль» и быстро ставила на место.

Так и теперь, недолго думая, она парировала его новую шутку:

– Ну, это только я одна. Посмотри, сколько вокруг красивых девчонок – Катя, Лена, Люба. Все прямо так и мечтают о тебе.

– Неправда, я мечтаю о полюсе, – ответила Катя, восторженно глядя вдаль.

– А я люблю своего мужа, – сказала Лена, розовощёкая горнолыжница с Алтая. – И мечтаю к нему быстрее вернуться.

– А я мечтаю победить на Олимпийских играх, – вставила известная своей целеустремлённостью и чисто спортивным упрямством, биатлонистка Люба.

– Мечтать не вредно, – бесцеремонно встрял в разговор Царицын. – Девки, вам нужен серьёзный мужик, старый морской волк и полярник вроде меня, а не шпана, которая ещё не видела жизни.

– Ну, насчёт шпаны, думаю, это ты погорячился, – заметил Егор, вставая во весь рост.

Видимо, решив, что его вызывают на открытый бой, быстро вытянулся и Степан. Несколько секунд они смотрели в упор друг на друга, словно пытаясь свалить с ног одной силой взгляда. Первым сдался Царицын, быстро заморгав буквально остекленевшими на морозе глазами.

– Наша взяла, – расхохотавшись, сказал Шумилов. – Всё, с Егором я в «моргалки» не играю!

– Играйте сами, пацаньё! – беззлобно ухмыльнулся Степан. – Только помните, полюс не место для детских игр.

Миролюбиво махнув им рукой, Степан отделился от группы, отойдя шагов на десять и тайком хлебнул из своей фляги добрую порцию холодной водки.

– Вот он какой, одичавший старый морской волк, – сострил Вячек. – С такими шутки плохи!

Его комичная манера подняла настроение приунывшим было лыжникам, и они энергично начали снова собираться в путь.

– Наверно, через девять-десять часов нужно будет разбить лагерь на ночлег? – обратилась Катя Сметкина к Фридману, видимо, не совсем понимая, что эти самые девять-десять часов нужно будет ещё суметь преодолеть.

– Да, к этому времени мы обязательно остановимся, чтобы выспаться, – ответил учёный. – Кажется, я не сказал вам, что на полпути к полюсу нас будет ждать ещё одна вынужденная остановка – на дрейфующей научной станции. Это запланировано. В медчасти вас обследует наш врач, и затем мы продолжим тест.

Нацепив очки-светофильтры и став на лыжи, девять молодых участников экспедиции поспешили следом за Царицыным, который заметно прибавил ходу, видимо, разогретый дозой горячительного и быстро оторвался от всех метров на двадцать, чем заставил спортсменов двигаться быстрее, подстегнув их спортивное честолюбие. Последней в этой колонне оказалась Катя, замешкавшись в поисках своих тёмных очков. Видимо, она выронила их в снег, пока вся группа согревалась чаем вокруг примуса. Вернувшись к недавнему месту стоянки, лыжница прошла каждый метр вдоль и поперёк, внимательно осматривая поверхность «белого льда», но своих спасительных светофильтров так их и не нашла. Группа быстро удалялась, и девушка поспешила за ними.

– Надеть очки, – сердито приказал Фридман, когда она присоединилась к ним спустя десять минут довольно изнурительного бега.

– Потеряла, – призналась она, чувствуя себя провинившейся школьницей.

– Отлично! – выдохнул он, смерив её на редкость неодобрительным взглядом. – И что мне теперь с тобой делать?

Она ответила с дерзким смешком:

– Да ничего, прибавить скорость, а то отстанете, – и быстро обогнала полгруппы, продемонстрировав уникальную сноровку в спринте и ещё раз доказав себе, насколько она может быть успешной в этом виде лыжных гонок, если только сама того захочет.

В прежней спортивной жизни Катерине не удалось достичь олимпийских высот, как уверяли её наставники, только из-за того, что ей не хватало силы воли, хотя физически она была способна и на большее.

Постепенно жгучий холод Арктики сделал свое дело, и скорость пришлось сбавить всем без исключения. Некоторые из бывалых лыжников начали задыхаться, однако Царицын и не думал останавливаться, напоминая свихнувшегося робота, бездумно рвущегося вперед. Он лишь немного сбавил шаг, но ни разу не обернулся посмотреть на своих спутников, которые брели на почтительном расстоянии от него, включая и Фридмана. Изредка он поглядывал на дисплей своего навигатора GPS, чтобы убедиться, что они двигаются в нужном направлении.

Холодное солнце всё так же высокомерно взирало на них с высоты чистых безоблачных синих небес, однако к нему оказалось столь же сложно привыкнуть, как и к сверхъестественно низкой температуре.

Один из мужчин, невысокий и жилистый Павел Лядов проклинал себя за то, что не сбрил усы и бороду перед полётом – растительность на лице на морозе обладала способностью обмерзать. Лишь один сибиряк Егор монотонно напевал себе под нос какую-то весёлую песенку, будто его и взаправду не мог прошибить даже лютый северный колотун.

Светлана, державшаяся в начале строя, оглянулась и увидела, что Катя снова отстаёт. Однако на этот раз, похоже, с ней было не всё в порядке. Девушка остановилась и обессиленно присела на сани, прикрыв лицо рукой. Чирковская, отцепив свою ношу, подошла к ней и в изумлении увидела, что та, быстро моргая ничем не защищёнными глазами, со всей силы растирает их рукой в перчатке. Катя подняла на Свету увлажнённые и покрасневшие глаза и простонала:

– Я больше не могу!..

– Что с тобой?

– В глазах будто песок. Боже, я почти ничего не вижу!

Света склонилась над ней, приблизив руками её лицо. Расширенные зрачки Кати немного прояснили ситуацию. Больше всего это напоминало так называемую «снежную слепоту».

Громкий возглас Светы остановил всех, включая даже Царицына. Лыжники собрались вокруг хныкающей Кати, в которой теперь не осталось и следа от прежней беззаботности и задора.

– Ну вот, у нас теперь и первый потерпевший, – сухо констатировал Фридман.

– Что с ней? – спросил Шумилов.

– А ты как думаешь, Вячеслав? – недовольно отозвался учёный. – Я ведь наказал хранить при себе свои очки как зеницу ока. Здесь на полюсе, снежная болезнь – быстрое дело. Снег отражает солнечные лучи и мощнейший поток ультрафиолета и, как следствие, мгновенное поражение радужной оболочки. Она просто сожгла себе глаза, пока добрых четыре часа паялась на снег.

– Повежливее, господин академик! – раздался рык сибиряка.

Он протянул Кате свои матовые светофильтры.

– Ей это уже не поможет, – хладнокровно сказал Герман. – Поэтому советую оставить очки при себе. И прошу, обойдёмся без лишних титулов. Я не академик, а всего лишь профессор.

– Профессор, – хмыкнул Вячек, – может, вы окажете ей посильную медицинскую помощь, чтобы она не мучилась.

– Помощь ей окажут на станции, – отрезал Фридман. – А до неё ещё около трёх часов пути. Всё, что мы можем сделать для Катерины – это наложить ей на глаза тёмную повязку и тащить дальше на санях. Егор, я думаю, ты справишься, – сказал он, смерив сибиряка взглядом из-под стёкол своих непроницаемых светофильтров.

– Справлюсь, – ругнувшись вполголоса, буркнул Егор.

– Похоже, вечер на полюсе перестает быть томным, – усмехнулся Шумилов.

Как ни странно, он не был лыжником, хотя получил такое же приглашение из научного института, как и остальные. Однако этот молодой, отчасти безалаберный, но, тем не менее, женатый и довольно успешный мужчина не переставал удивляться самому себе – он, вероятно, один из истинных фанатов дайвинга своего родного, прекрасного и сложного большого города, обожавший море, океан и песчаные пляжи и, мягко говоря, недолюбливавший зимние виды спорта, с удовольствием принял это странное предложение и, несмотря на дикий холод и связанный с этим известный дискомфорт и стресс, отнюдь не чувствовал себя в эти минуты погибающей в смертоносной ледяной пустыне песчинкой. Удивительно, но на данный момент Шумилов чувствовал себя довольно сносно, и объяснить это было нельзя ничем. Наверное, поэтому он сохранял оптимизм и продолжал шутить и острить над всем, что для других представлялось не самым весёлым.

Царицын, снова заправившись дозой горячительного из пластмассовой фляги, вновь устремился вперёд, за ним радист, Фридман и все остальные; цепочку замыкали Егор, тащивший за собой сани с приунывшей Катей, которой наложили повязку из бинтов на глаза. Рядом держалась Лена, подбадривая забавными рассказами из своей спортивной жизни Катю, а заодно и сибиряка, чтобы ему не было слишком грустно тянуть одному, как бурлаку, свою ношу, которая становилась намного тяжелее всякий раз, когда на их пути возникали зачистившие препятствия в виде высоких торосов.

Света присоединилась к Фридману и попыталась его разговорить. Она рискнула при нём на время снять свои очки, но профессор будто этого и не заметил.

– Вы часто бываете на полюсе? – спросила она.

– Часто не получается, девушка, – неохотно ответил он. – Во-первых, мероприятие это не из дешёвых, но раза три на полюсе я был.

– Любите это дело?

– В смысле? Какое именно?

– Покорение снежных вершин, борьбу с природой, лютый холод.

– Это моя профессия и призвание. Я – учёный, представляю направление арктической медицины. Ну и потом, наш институт получил очень интересный и высокооплачиваемый заказ на изучение и раскрытие защитных свойств организма и его сопротивляемость к холоду, который вы называете лютым. Вам знакомо такое понятие, как криошок? Смертельно опасная реакция организма на резкие перепады температур, вызывающие спазм кровеносных сосудов и рефлекторную остановку сердца. Ледяной шок может убить мгновенно, а мы в нашем институте ищем пути, чтобы риск был минимален. Для этого и приходится работать с живыми людьми, хотя мы стараемся брать довольно подготовленных и физически выносливых, иначе тесты были бы бесчеловечны, – он безрадостно улыбнулся одними губами.

– А сами вы, по-моему, холода особо и не боитесь? – заметила Чирковская, припомнив его небрежное отношение к тёплой одежде.

– Не особо. Но это – годы тренировок, закаливание в холодной воде. Вечная игра в прятки с криошоком. И в этом – вся моя жизнь.

– Мне кажется, я вас понимаю, – сказала Светлана. – Вся *моя* жизнь – это спорт, а значит, постоянные перегрузки на сердце и всё те же опасные перепады температур. Но спорт – это прекрасно! И полюс – это так классно! Я и не подозревала, что здесь так красиво.

– В это время, да. Это ведь полярный день, начало весны, здесь постоянно светит солнце, и так будет продолжаться ещё полгода. Сейчас, кстати, немного ниже двадцати пяти градусов Цельсия. Но это сейчас, а ведь погода на полюсе изменчива. И, кроме того... вы не бывали на полюсе в полярную ночь, когда температура опускается до минус восьмидесяти и ниже, когда выживают только редкие криофилы и особо выносливые бактерии?

– И люди? – спросила Чирковская, подмигнув доктору.

– Ну, люди – это отдельный разговор. Люди умеют приспособиться. Однако без этой способности человеческий организм не имеет ни малейших шансов выжить, оказавшись один на один с чудовищным холодом. И это научно доказанный факт... Есть, конечно, уникамы. Люди, обладающие врождёнными сверхспособностями, но это объясняется генетическими отклонениями. Криофилия у человека – это как редкая болезнь, и таких людей единицы. Не более, чем один уникам на миллиард.

– И вы один из таких?

– Ну, нет! – усмехнулся Фридман. – Не путайте криофилов и «моржей»!

– Объясните, как мы найдём станцию? – помолчав, спросила Света. – Вы с такой уверенностью сказали, что скоро выйдем прямо к ней, но куда не кинь взгляд – одни сплошные льды.

– Должен сказать, уверенным на полюсе нельзя быть ни в чём. Но у нас есть примерные координаты станции, и с учётом среднего времени дрейфа и направления льдины, на которой она стоит, мы должны выйти к ней через три часа. Хотя... в этом я уже не уверен. Я только надеюсь, что мы увидим её к полуночи.

Светлана остановилась, чтобы передохнуть, пропуская вперёд остальных спортсменов. Воткнув лыжную палку в хрупкий «белый лёд», её рука автоматически потянулась за пазуху за мобильным телефоном. Только тут она сообразила, что все мобильники остались на самолёте. Света вспомнила о втором пилоте Хаски, приятном малом, честно, почти по-детски признавшемся ей, что это всего лишь его третий полёт на Северный полюс. Её любимый смартфон остался у него. Почему-то она доверила ему своего маленького сенсорного друга без тени сомнения, хотя и видела этого человека впервые. Странно, ведь в обычной жизни так не бывает, и люди имеют привычку в известной степени остерегаться и не доверять друг другу, но только здесь, в этих жестоких условиях, казалось, меняются все законы и устаканившиеся «нормы» общественного поведения.

По-видимому, только полюс и обладает этой удивительной способностью сближать совершенно чужих людей, подумала она и улыбнулась, снова вспомнив этот добрый взгляд светлоглубых глаз молодого пилота.

Глава 3

Сразу по прибытии в Хатангу, Макаренко принял горячий душ и завалился спать в своём номере в гостинице. Он проспал всего три часа и, открыв глаза, лежал минуту с ощущением какой-то сюрреальности, неправдоподобия происходящего. Он смотрел на белый потолок, чем-то напоминавший ледяную пустыню, и в его памяти неожиданно всплыло улыбочивое лицо Светы. Её отключённый телефон лежал рядом на тумбе, и являлся прямым доказательством того, что всё это приключилось в реальности именно с ним. Он на самом деле семь часов назад побывал недалеко от Вершины мира, стоял ногами не на суше, а на льду толщиной метра в полтора (причём именно такой, как заказывали бригаде полярников, чтобы выдержать вес авиалайнера), и общался с самой замечательной девушкой на Земле.

Подняв голову с подушки, он посмотрел в окно, за которым открывался вид на Хатангу, залитую солнечным светом.

Не поймёшь, день, вечер или ночь, подумал Эдуард. Одним словом, полярный день.

Небольшое поселение застыло под холодным небесным светилом подобно островку в открытом море. Хатанга – отнюдь не город, официально именуется с селом, хотя каждую весну становится туристическим центром для любителей экстремального отдыха на севере. Аэропорт спокойно принимает рейсы из столицы, а в местную гостиницу набивается самый разный праздный люд, включая иностранцев со всего мира.

В номер без стука заглянул Веселовский с каким-то странным встревоженным выражением лица.

– Выспался? – спросил он.

– Вроде да, – ответил Макарченко, потягиваясь и отыскивая глазами свой форменный двубортный пиджак, который оказался небрежно брошенным на стул, что говорило о той свалившей его с ног усталости, которую он чувствовал накануне до возвращения в это странное северное поселение. – Где все? Уже бухают в баре?

– Ага, шас! У нас ЧП, Хаски, так что настройся на серьёзный лад. Серый с Морозом сейчас встречают гостей в аэропорту.

– Каких ещё гостей?!

– Из Москвы. Чувствую, рейс будет тяжёлый.

– Да говори прямо, в чём дело! – разозлился Макарченко.

– Сам ничего толком не знаю. Мороз сказал, что с ним связался кто-то из столичного МВД. В срочном порядке к нам направили двух якобы крутых оперов для расследования. Потом при встрече всё объяснят. Знаешь, это хорошо, что мы ещё не расслабились, хотя Мороз уже искал девочек на ночь. Но чувствую, «акклиматизироваться» нам не дадут. Так что одевайся, Эдик, и будь готов к встрече.

Вместе они спустились в вестибюль, где прождали в томительном молчании полчаса, глядя на шумных туристов, сновавших туда-сюда и галдящих на разных языках. Видов с Морозовым появились в сопровождении двоих мужчин, одетых в гражданскую одежду. На обоих были цветастые пуховики. Один был высоким, по- спортивному подтянутым человеком лет тридцати с худым лицом и чёрными глазами, пылливо глядящими из-под стёкол очков, благодаря которым он напоминал медика, с сумкой для ноутбука на плече. Второй был намного ниже, но крепко сбит и, можно сказать, атлетически сложен. Его движения были быстрыми, чтобы не сказать резкими, примерно такими же, как и его бегающий по сторонам, немного нервный колючий взгляд.

Видимо, он чувствовал себя в этой паре лидером, потому что когда Видов представил ему ещё двоих членов своего экипажа, тот заговорил громко, неразборчиво и почти надменно, хотя из-за своего роста ему приходилось смотреть на пилотов снизу вверх.

– Будем знакомы, капитан Щеглов. Вам-то, надеюсь, удостоверение не нужно?.. Что это за деревня, мужики? Я-то думал, тут мегаполис, центр развитого туризма, а на самом деле – село селом.

– Маскевич, – сдержанно представился человек, похожий на медика.

– Тут слишком шумно, ребята, – сказал Щеглов. – Нам бы где уединиться.

– Я уже договорился с администрацией, – сказал Видов. – Они предоставят отдельное помещение, там есть телевидение, факс, спутниковый телефон, если нужно, интернет.

– Нормально, значит, в этой деревне всё же что-то есть.

Они прошли в просторную служебную комнату, предоставленную администрацией. Там их никто не встретил; более того, весь служебный персонал словно провалился сквозь землю, как только прошёл слух о прибытии столичных оперов, но, похоже, самим представителям закона это пришлось по нраву.

Маскевич, не говоря ни слова, раскрыл свой портативный компьютер и принялся вдумчиво изучать на мониторе какие-то схемы и таблицы. Щеглов отхлебнул учтиво предложенного

Морозовым чаю с лимоном, закусил печеньем и уже более миролюбиво, чем раньше, обвёл пристальным взглядом всех четверых летчиков.

– Ну что, раскроем карты, – сказал он. – Начну с того, что это самое необычное дело в моей практике. Бывало, преступники сбегали от нас в Америку или Австралию, даже в Африку. Но чтобы подозреваемый сбежал на Северный полюс, это, извините, нонсенс!.. Впрочем, объясняется это только одним – он конченный маньяк и псих, в чём мы и не сомневались.

– Простите, – проговорил Видов, – кого конкретно вы ищете?

– Одного из тех девяти человек, которых вы взяли на борт в Домодедово примерно пятнадцать часов назад, – быстро ответил Щеглов. – По нашим сведениям, их было всего девять. С ними был ещё один учёный-полярник, но к нему у нас претензий нет. Все спортсмены, преимущественно лыжники, задействованные для участия в научной экспедиции. В их числе тот, кого мы подозреваем в жестоком преступлении, удачно затесавшийся в эту весёлую компашку любителей экстрима. С полной уверенностью скажу, что на данный момент всё против него – улики, показания свидетелей, данные дактилоскопии, – всё, однозначно, всё! И отпираться он не сможет.

– Убийца? – произнёс Морозов, бледнея, как полотно.

Опер вынул из внутреннего кармана пиджака тонкую стопку цветных фотографий и записную книжку, в которую была вставлена ещё одна небольшая фотокарточка. Цветные фото он разложил на столе, развернув их в сторону пилотов:

– Вот, можете ознакомиться. Слабонервных нет?

Видов, сидевший ближе всех к следователю, взял в руки фотографии, взглянул и быстро передал Морозову. На бледном лице радиста появились багровые пятна, и он в свою очередь брезгливо оттолкнул фотографии от себя, прикрыв рот рукой. Веселовский, не меняя обычного выражения своего лица, по порядку рассмотрел все шесть глянцевых фотографий и невозмутимо передал их Макаренку.

– Примерно двадцать часов назад этот подонок жестоко убил свою жену и дочь. Он даже не попытался скрыть следы своего изуверства. Оставил оба изуродованных тела в кровати, заботливо прикрыв одеялом, закрыл дверь квартиры и отправился в аэропорт. Сложно сказать, было ли всё запланировано заранее, или он совершил это в состоянии какого-то аффекта, но точно известно, что у него было приглашение и авиабилет, предоставленный полярным научно-исследовательским институтом. И у него была возможность скрыться довольно далеко – аж на Северный полюс. Но должен сказать, ребята, от меня он не скроется даже там!

– Кто он такой? – спросил Видов.

Щеглов откинулся на спинку кресла, обведя всех высокомерным и насмешливым взглядом, выдержал долгую паузу, по-видимому, упиваясь выражением лиц пилотов, и сказал, скривив тонкие губы в издевательской усмешке:

– Интрига!.. И вообще, товарищи летчики, вопросы тут задаю я. Меня очень интересует, что вы сами знаете об этой полярной экспедиции?

Командир экипажа растерянно пожал плечами:

– В общем, ничего. Мы выполняем свою работу, капитан, и обычно не задаём лишних вопросов. Нам платят за то, чтобы мы доставили людей в целостности и сохранности в любую точку земного шара, включая и самые недостижимые.

Веселовский, кашлянув, негромко произнес:

– Мы знаем только то, что они должны были дойти до Северного полюса на лыжах, затем сообщить об этом на ледовый аэродром, и тогда за ними вылетит вертолет. Как только они достигнут полюса, мы снимаемся с места и летим за ними. Всё выглядит почти как стандартный полярный тур.

– И когда же они достигнут полюса?

– Их высадили на 89 параллели. До полюса остаётся всего один градус – это чуть больше ста километров. Но пройти их придётся на лыжах по дрейфующим льдам, минуя разводья и торосы. На это может уйти до пяти дней, а то и все семь.

– Нет, мы не можем ждать неделю! – воскликнул Щеглов. – Среди этих покорителей льдов – опасный убийца. За это время он может перерезать там всех, если у него поедет крыша. И у меня задание – схватить его немедленно!

Неожиданно Маскевич оторвался от дисплея компьютера и удовлетворённо произнёс:

– Всё, нашёл! – Он развернул экран так, чтобы его всем было видно. – Вот карта. Это служебный отчёт Полярного центра, они всё-таки предоставили нам последние данные.

Он радостно взглянул на своего напарника:

– Вот, смотри, – он указал на крошечный ромбик на виртуальной карте с изображением полярных широт, пересекаемых меридианами. – Это место высадки экспедиции и сам ледовый аэродром.

Ромбик находился чуть ниже ещё одного жирного значка, изображавшего географический полюс, расположенный на девяностом градусе северной широты.

– Вот эта точка чуть правее и ниже отметки ледового аэродрома – координаты первой остановки экспедиции. Любопытно, ты не находишь? – они выразительно переглянулись со Щегловым, а тот перевёл пыливый взгляд на притихших летчиков.

– Ребята, а вы сами не находите это странным? По-вашему, они идут на полюс?

Видов и сам ничего не понимал. Данные карты говорили о том, что экспедиция довольно заметно уклонилась от курса.

– Тут ещё одна метка, – сообщил Маскевич. – Прямо у них на пути. Видимо, они туда и направляются, прежде чем повернуть на север.

– Что за метка?

– В служебном каталоге указано – СП-Н-5.

Щеглов в недоумении посмотрел на Видова, и тот пояснил:

– Дрейфующая полярная станция. Хотя аббревиатура не совсем ясна. Что значит «Н-5» мне не известно.

– Ну что ж, отлично, – сказал опер. – Мы знаем, куда они идут. Осталось отправиться за ними в погоню. Меня интересует наиболее быстрый способ передвижения.

Видов усмехнулся:

– Только самолёт. Мы могли бы перекинуть вас на ледовый аэродром, а оттуда вертолётom на поиски экспедиции, но у меня нет разрешения руководства.

– Мы уже обо всём договорились, – махнул рукой Щеглов. – Впрочем, спросите сами, – и он протянул командиру экипажа трубку спутникового телефона.

Глава 4

Света сняла очки, чтобы лучше осмотреть окрестности. Солнце сияло как прежде, хотя ей показалось, что небо начало бледнеть, – в нём стало больше облаков, и они постепенно сбились в одну мутную серую массу над горизонтом. Сильный порыв ветра сорвал с близлежащего ледового выступа снежную пыль, метнув ей прямо в глаза, отчего она быстро пожалела, что сняла светофильтры и надела их снова. Позади неё, вероятно, проклиная всё на свете, тащился Егор, выбирая самую ровную дорогу, чтобы вытянуть сани с Катей, и по этой причине постоянно отставал.

Света держалась рядом на всякий случай. Холод становился сильнее и злее вследствие усилившегося ветра. Выдержать эту ледяную пытку было непросто, но она понимала, что Егору ещё тяжелее. При этом её восхищало то, что за те несколько часов, пока они брели в снежной пустыне, сибиряк ещё ни разу не пожаловался вслух и не потребовал, чтобы его сменили. Он упорно, стиснув зубы, шёл вперед, толкая за собой увесистые сани, и никто из мужчин, даже

Фридман не предложил ему помощь. Видимо, они полагали, что он робот, или в Сибири рождаются одни супермены!

– Егор, – обронила Катя. – Скажи, который час?

Сибиряк остановился, тяжело дыша, и громко окликнул Фридмана:

– Профессор, вы один располагаете временем. Какой час?

– Без четверти двенадцать, – откликнулся учёный.

На большой земле почти полночь, подумала Света. Странно, ночь, а солнце светит как днём!

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Светлана Катю.

– Лучше всех, – тихо ответила та.

Было видно, что девушка чувствует себя крайне неловко из-за того, что оказалась обузой для других, и сильно нервничала из-за потери зрения.

– Интересно, это надолго, – обронила она, указав на свою повязку. – Меня вылечат?

– Моментом, – уверенно заявил Егор. – Не бойся, Катюша! Это дело обратимо. Мой знакомый тоже наловил так однажды солнечных зайчиков в горах, а через сутки уже отплясывал на дискаче.

Катя улыбнулась:

– Ты классный мужик, Егор. Скажи ещё, что не женатый.

– Я слишком молод для женитьбы, Катя! – весело ответил сибиряк.

Неожиданно их отвлек громкий крик Царицына, оторвавшегося от всех уже почти на километр. Он стоял на месте, повернувшись к лыжникам, и радостно размахивал руками. Полярник терпеливо дождался, когда к нему приблизятся все, включая и Егора с Катей. Он передал Фридману бинокль и указал куда-то в заснеженную даль:

– Станция! Мы дошли.

– Да, – кивнул учёный. – Это они. Успели к полуночи!

Эта новость прибавила живости измотанным и уставшим путешественникам, и все ускорили шаг. Однако через километра полтора перед ними возникло ещё одно препятствие в виде разлома во льду в метр шириной. Обойти трещину не представлялось возможным, – скорее всего, она тянулась на километры в разные стороны, пересекая прямой путь к станции. С одной стороны, её можно было перешагнуть или перепрыгнуть без труда, с другой, – сделать это быстро помешали бы сани, и люди замешкались. Говорить об опасности поскользнуться и уйти под лёд, откуда уже не будет спасения, даже не стоило – это было понятно без слов, поэтому прошло ещё минут пятнадцать, прежде чем соблюдая банальные меры предосторожности, очень осторожно все переправились на другую сторону необъятной с виду льдины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.